

ПРОЦЕССЫ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ,
ИХ ПСИХИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯЦИЯ
И ПРОГРАММИРОВАНИЕ

1. ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ЕДИНСТВО ПОЛЕЗНЫХ
И ВРЕДНЫХ ФАКТОРОВ

Потребности индивида, а также принятые им социальные потребности могут быть удовлетворены за счет разнообразных инструментальных благ, или ресурсов. Одним из таких ресурсов, имеющих очень широкую сферу применения, является деятельность индивида. Деятельность субъекта представляет собой специфическую форму работы (в ее общефизическом понимании), которую производит субъект, пользуясь имеющимися у него внутренними источниками энергии, против внутренних и внешних сил.

Любое действие представляет собой организованный процесс, последовательные этапы которого связаны отношениями инструментальной ценности. Действие в целом является ресурсом, средством, т. е. процессом, удовлетворяющим потребность более низкого порядка. Но оно само подразделяется на такие компоненты (этапы), каждый из которых является средством для последующих, а значит и для удовлетворения конечной потребности. Например, чтобы добраться до работы, человеку надо сначала выйти из дома и дойти до метро (I этап), затем войти в метро и сесть в поезд (II этап), выйти из вагона на станции пересадки, пройти через переход и сесть на другой поезд (III этап), затем выйти из метро и дойти до работы (IV этап). Ни один из последующих этапов в этом перечне не может быть осуществлен, пока не выполнен предыдущий, поскольку на предшествующих этапах производятся ресурсы («условия») для осуществления последующих этапов деятельности.¹

---

¹ *Анцыферова Л. И.* Принцип связи сознания и деятельности „ методология психологии. - В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.

При последовательном членении действия в нем можно отделить три типа компонентов, связанных между собой причинно-следственными отношениями, — старт, или исходная ситуация деятельности (1), процесс деятельности (2) и его финиш, или результат (3); если действие еще не завершено и его результат только планируется, то этот результат называют целью или мотивом. Старт и финиш — это дискретные компоненты деятельности, а ее процесс — непрерывный компонент.²

Второй тип связей упорядочивает элементы действия не только во времени, но и в пространстве, характеризуя отношения дополнительности, комплиментарности между одновременными средствами: для того, чтобы действие осуществлялось, в каждый данный момент должен существовать определенный набор, или система, ресурсов, состоящая, как правило, не из одного, а из нескольких компонентов.³

В составе системы комплиментарных благ, образующей поперечный срез любого этапа действия, всегда есть элементы, принадлежащие субъекту действия (движущиеся органы его тела, его внутренняя энергия, актуализированные психические образования), и элементы, принадлежащие внешним системам (инструменты и материалы в самом широком смысле слова). Это обстоятельство выражается в определении деятельности как формы взаимодействия человека с предметами внешнего мира.

Отношение комплиментарности характеризует блага не только высоких, но и низких порядков, не только средства, но и конечные результаты деятельности, т. е. блага I порядка. Например, потребность иметь отремонтированную квартиру предполагает целый комплекс желаемых результатов — чтобы потолок был побелен, чтобы стены были оклеены новыми обоями, чтобы полы были отциклеваны, чтобы в квартире не дуло и т. п. В ряде случаев каждая из составляющих целей может быть раздроблена на

---

² Ср. в этой связи деление мотивации деятельности на непрерывно-процессуальную и дискретную (Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976, с. 83—93).

³ Об отношении комплиментарности см.: Менгер К. Основания политической экономия. Общая часть. Пер. с нем. Одесса, 1903, с. 11—17. Это понятие широко используется и современными экономистами. См.: Лопатчиков Л. И. Краткий экономико-математический словарь. М., 1979, с. 23; Рувинская Л. М. Моделирование динамики потребительских комплексов. Новосибирск, 1981.

еще более мелкие и т. д. Иерархическую схему, отображающую множество уровней разбиения исходной цели, называют деревом целей. Комплиментарность конечных целей естественно порождает и комплиментарность средств, требующихся для их достижения. Но даже одна, далее неразложимая цель обычно требует для своего достижения целого набора комплиментарных ресурсов.

Действие — это ресурс, *средство* для удовлетворения потребностей, но оно само появляется в результате актуализации определенных ресурсов. К числу внутренних ресурсов для осуществления деятельности относятся многообразные способности индивида. Это понятие характеризует предпосылки не только для сложных (математические, музыкальные, литературные, спортивные способности), но вообще для любых видов деятельности: способности к ходьбе, общению, вождению автомобиля, к управлению людьми, к занятиям домашними делами и т. д. Особое значение имеет обобщенная способность к деятельности и активности — работоспособность, дееспособность, способность к мобилизации энергии. Так же многообразны и внешние ресурсы для деятельности.

Однако характеристика деятельности как средства удовлетворения потребностей является неполной. Подобная формулировка создает впечатление, что деятельность только удовлетворяет, устраняет потребности, но не создает их, что она не имеет негативных валентностей или дисфункциональных аспектов. Более полная ценностная характеристика действия требует признания не только его положительных, но и отрицательных сторон. Она связана с понятием *цены*.

Цена достижения некоторого положительного результата — это неотделимое от него приобретение отрицательных результатов, вредных факторов. Иными словами, цена удовлетворения потребности — это актуализация, возрастание потребностей. Наличие цены придает деятельности свойство амбивалентности.

Предпосылка возникновения цены заключается в системности, взаимосвязанности различных по своей ценности процессов, поэтому, желая осуществить полезные аспекты некоторого процесса, индивид вынужден осуществлять и его вредные аспекты. Цена выступает в форме жертвы за удовлетворение потребностей.

Наиболее распространенной формой жертвы являются потребности, актуализируемые в самом процессе деятель-

ности. При определенных условиях выполнение действий ведет к временным (обратимым) нарушениям жизнедеятельности организма, а иногда создает для него и более серьезные угрозы. Эти нарушения переживаются человеком в форме извостного каждому чувства усталости.

Данная форма цены вполне адекватно осознана в науках о труде. Один из экономистов XIX в. характеризовал трудовую деятельность как «„страдание" испытываемое при создании полезности». ⁴ В физиологии труда измерена даже «энергетическая стоимость» ⁵ различных видов физической работы.

Применительно к психической деятельности человека Б. Г. Ананьев и И. М. Палей сформулировали понятие о «психофизиологической», или энергетической, цене интеллектуального ⁶ (или более широко — психического) напряжения. Ее учет особенно важен для контекста настоящей работы, поскольку эта цена относится и к тем формам психической активности, которые регулируют деятельность индивида. Но, конечно, не всякие затраты энергии наносят организму вред, до определенного момента организм, наоборот, испытывает ⁷ потребность в разрядке накопленной в нем энергии. Поэтому понятие энергетических затрат шире, чем понятие цены.

⁴ Селигмен В. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. М., 1968, с. 151. — Вообще традиционная экономическая точка зрения тоже страдает односторонностью: она не видит в деятельности средства для удовлетворения потребностей в активности и информации, т. е. не рассматривает ее как благо низкого порядка.

⁵ Моно Г. Энергетические затраты у человека. — В кн.: Шерпер Ж. Физиология труда. Пер. с франц. М., 1973, с. 144—160.

⁶ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968, с. 306; Палей И. М. 1) К дифференциально-психологическому исследованию студентов в связи с задачами изучения потенциалов развития взрослого человека. — В кн.: Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1974, вып. 2; 2) Методологические вопросы диагностики в дифференциально-психологическом исследовании. — В кн.: Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л., 1976.

⁷ О потребности индивида в активности; а также о связанных с нею потребностях в новых впечатлениях, в компетентном, эффективном воздействии на окружение, в самоактуализации см.: Чхартшвили Ш. Н. Потребность, движущая развитием, и социальная среда. — В кн.: Некоторые вопросы психологии и педагогики социогенных потребностей. Тбилиси, 1974; Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968; White R. W. Motivation reconsidered: the concept of competence. — Psychological Review, 1959, vol. 66, p. 297—333; Maslow A. H. Motivation and per-

«Энергетическая» цена, хотя она и наиболее непосредственно связана с деятельностью, не является единственной.

В деятельности человека как многоэтапном, «цепном» (по выражению Н. А. Бернштейна) процессе очень распространены такие соотношения между промежуточными и конечными звеньями, при которых ради удовлетворения конечной потребности субъекту приходится на промежуточных этапах деятельности ее же фрустрировать. Таким образом, соответствующие промежуточные звенья являются одновременно и позитивным и негативным благом для одной и той же потребности. Различается только порядок соответствующих полезностей: негативная полезность имеет низкий порядок, а позитивная — более высокий. Иными словами, условием будущего удовлетворения какой-либо потребности является ее актуальное неудовлетворение. Например, чтобы удовлетворить потребность, часто полезно подождать, потерпеть с ее удовлетворением; чтобы окапаться «дальше», ехать «тише»; чтобы съехать с горы вниз, надо прежде подняться на ее верх; чтобы быть здоровым, надо нанести некоторый ущерб своему организму во время лечения. Если отказаться от подобной цены на предшествующих этапах, то она обычно все равно настигает человека на последующих («расплата»).

Весьма распространен конфликт между индивидуальными потребностями субъекта и интернализированными им социальными потребностями, а также между интернализированными потребностями разных по масштабу социальных групп: человек «платит» своим здоровьем за здоровье и благополучие детей, жертвует интересами близких ради счастья «дальних».

Обстоятельством, которое дифференцирует разные формы феномена цены, является время ее возникновения и существования: цены могут возникать до появления позитивного результата, одновременно с ним и вслед за ним. В последнем случае они труднее предсказуемы, более неожиданны и коварны, чем в первом; их называют «негативными последствиями», или расплатами.

Особый вид индивидуальных цен связан с тем, что *объем большинства ресурсов, которыми располагает человек для деятельности, меньше, чем суммарный объем потребно-*

стей в этих ресурсах. Факт ограниченности и недостаточности многих ресурсов общепризнан для уровня социально-экономической системы,⁸ но он имплицитно признается и в ряде теоретических схем, описывающих деятельность индивида: трактовка психической организации субъекта как замкнутой системы, располагающей конечным энергетическим запасом («либидо»), в психоанализе; трактовка темперамента как энергетически замкнутой системы.⁹

С недостаточностью, дефицитностью ресурсов для удовлетворения всех нуждающихся в них потребностей мы сталкиваемся постоянно: если деньги потрачены на одно из благ, то их не хватает на покупку других; если время потрачено на одну группу дел, то его не хватает на другие; если вы недавно обращались к не очень близкому человеку с одной просьбой, то к нему нельзя сразу же снова обращаться за помощью; если много сил и энергии потрачено на работе, то дома уже не удастся трудиться с полной отдачей. Следствия ограниченности ресурсов индивида иллюстрируются и результатами эмпирических исследований.

Одно из таких ожидаемых следствий — наличие взаимнообратных соотношений между успешностью разных видов деятельности, требующих одних и тех же ресурсов, прежде всего энергетических. Показано, что объективность познания человеком окружающей действительности и объективность познания им самого себя и своего непосредственного окружения находятся в подобных взаимнообратных отношениях — повышение одной ведет к понижению другой;¹⁰ успешность творческой деятельности работника находится во взаимнообратных соотношениях с успешностью человека как исполнителя;¹¹ развитие коммуникативных черт характера, а значит и успешность соответствующей деятельности взаимнообратно связана

---

⁸ Там он лежит в основе выделения категории экономических или хозяйственных благ, которые противопоставляются неэкономическим; объем последних равен или превышает потребность в них.

⁹ См.: Палей И. М., Гербачевский В. К. Проблемы личности в курсе психологии. Л., 1972; Палей И. М., Ленская А. В. Темперамент. — В кн.: Практикум по психологии. Л., 1973, ч. II.

¹⁰ Магун В. С. О парадоксальных соотношениях между тестовыми оценками интеллекта и адекватностью суждений человека о себе и других людях. — В кн.: Личность и деятельность. Материалы V Всесоюзного съезда общества психологов. М., 1977.

¹¹ Социально-психологический портрет инженера. М., 1977, с. 44-51.

с успешностью некоторых видов умственной деятельности и т. д.¹²

Выраженность подобных конфликтных, конкурентных соотношений между разными формами расходования одних и тех же ресурсов должна зависеть от общего объема имеющихся у человека ресурсов — чем их меньше, тем более выражены указанные соотношения, тем больше человек находится под давлением необходимости выбирать и специализироваться. И наоборот, лица с большим объемом ресурсов могут позволить себе большую разносторонность, «щедрость» и гармоничность.

Еще одно проверяемое следствие из факта недостаточности ресурсов — необходимость их перераспределения при появлении новой, претендующей на них, потребности: если бы ресурсов хватало «на всех», то появление новой потребности никак не ущемляло бы интересы прежних, но поскольку их недостаточно, то удовлетворение (хотя бы частичное) новой потребности достижимо лишь за счет сокращения расходов на другие потребности, прежде всего, естественно, на такие потребности и на такие порции удовлетворяющих их благ, которые менее важны для человека и потери от неудовлетворения которых, следовательно, менее чувствительны. Подобное перераспределение энергетических, временных и денежных ресурсов происходит, например, после рождения в семье ребенка. У матерей несовершеннолетних детей (в простых семьях) по сравнению с молодыми супругами, не имеющими детей, время домашнего труда увеличивается на 8.4 часа в неделю, время занятий с детьми на 8.4 часа, и это происходит за счет времени внесемейного общения (оно сокращается на 3 часа) и «участия в культуре» (его продолжительность снижается на 3.8 часа), а также за счет бездеятельного отдыха (его продолжительность сокращается на 2.2 часа).¹³

В той мере, в какой ресурсов человека недостаточно для удовлетворения всех, претендующих на них потребностей, употребление их для достижения одного из благ препятствует использованию их для достижения других.

---

¹² Жамкочьян М. С., Палей И. М. О соотношении уровня интеллекта (по тесту Векслера) и коммуникативных качеств личности (по вопроснику Кэттелла). — В кн.: Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. Л., 1973.

¹³ См.: Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. Приложение (таблицы). М., 1972, с. 34—35.

Тем самым нереализованные варианты использования ресурсов выступают в качестве цены реализованного. Этот аспект цены активно разрабатывается в современных экономико-математических исследованиях, идущих в русле традиции, заложенной Ф. фон Визером. Более того, в рамках этой традиции объем понятия цены ограничивается только вышеупомянутым аспектом: цена — это тот ущерб, который затраты ресурсов на удовлетворение данной потребности наносят удовлетворению других, требующих тех же самых ресурсов. Его также называют издержками альтернативных возможностей.¹⁴

При крайнем дефиците ресурсов (сил, времени, денег и т. п.) цена удовлетворения любой потребности, связанная с издержками альтернативных возможностей, будет очень высокой, а при неограниченных, достаточных для всех потребностей ресурсах данный компонент цены обращается в нуль, поскольку при этом расходование одной части ресурсов не вредит расходованию оставшихся частей на приобретение других благ.

Поэтому при дефиците ресурсов индивид проявляет психическую активность, направленную на минимизацию указанных аспектов цены, т. е. на выбор наиболее экономного варианта, требующего минимальных затрат дефицитного инструментального блага. На эту психическую программирующую активность тоже, конечно, расходуются ресурсы, и как уже говорилось выше, она часто «покупается» значительной ценой. Примем во внимание, что в данном случае "субъект должен учитывать и сопоставлять такие цены, которые «бьют» по инструментальным благам, а на его конечные («целевые») потребности влияют лишь косвенно, опосредованно. Это требует от человека больших затрат психической энергии, чем учет прямых форм вреда. Естественно, что «экономящие» формы психической активности будут достаточно выражены лишь при условии, что их «плюсы» будут с очевидностью превосходить «минусы».

---

¹⁴ Альтернатив данному варианту использования некоторой порции ресурсов обычно имеется несколько и они обладают различной полезностью. Величину жертвы условилось оценивать полезностью самой ценной из отвергнутых альтернатив. Поэтому цену блага определяют в рассматриваемой традиции как «полезность наиболее ценного из вариантов, которые с необходимостью приносятся в жертву данному событию» (см.: *Alchian A. A. Cost.* — In: *International encyclopedia of social sciences.* 1968, vol. 3, p. 404).

В процессе программирования субъект, по-видимому, сводит многие непосредственные формы цены к издержкам альтернативных возможностей. Ведь вред, нанесенный потребностям первого порядка, обычно устраним за счет использования некоторых универсальных ресурсов: энергии, времени, денег, помощи других людей. Поэтому этот вред может быть приравнен к затратам данных ресурсов.

Более детальное изучение видовых модификаций феномена цены выходит за рамки настоящего исследования. Но уже на данном этапе анализа можно сделать вывод о том, что определение и характеристика деятельности только по ее положительным качествам («деятельность — средство удовлетворения потребностей», «деятельность — целенаправленный процесс») страдают односторонностью и являются по существу своеобразной «лакировкой» действительности.

Деятельность человека в общем случае является не только поливалентным, но и амбивалентным процессом, сочетающим полезные и вредные аспекты, качества блага и цены за него. Она представляет собой диалектическое единство удовлетворения (устранения) потребностей и их актуализации. Эта же характеристика амбивалентности переносится и на факторы, порождающие деятельность: они сочетают в себе черты позитивных инструментальных ценностей (ресурсов) и негативных инструментальных ценностей («антиресурсов»).

Указанная амбивалентность неминуемо должна проявиться и в процессах психической регуляции деятельности. Она порождает сосуществование в психике человека противоположно направленных побуждений, одни из которых активно толкают человека к действию, а другие, наоборот, удерживают от него. Первые являются следствием позитивной ценности действия, а вторые — его негативной ценности (цены). Данное противоречивое единство двух типов побуждений теоретически осознано. При этом в одной теоретической схеме речь идет о борьбе между активной тенденцией достижения успеха и пассивной тенденцией избежания неудачи,¹⁵ а в другой — о более общем конфликте между двумя «векторами психиче-

---

¹⁵ Atkinson J. W. An introduction to motivation. Princeton, 1964.

ской жизни»: в задачу одного из них входит отражение и преобразование объекта, в задачу второго — сохранение субъекта, его «мгновенных значений».¹⁶

2. ПСИХИЧЕСКАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

Анализ процессов психического управления субъектом своей деятельностью естественно начать с простейших форм, в которых психические процессы выполняют лишь немногие функции, такие, как запуск и остановка деятельности, а также ее приспособление к внешним пространственно-временным характеристикам объектов. Естественно, что для выполнения этих функций вполне достаточно элементарных психических процессов — ощущений и восприятий, поэтому описываемые действия не предполагают участия сознания и выступают в качестве автоматизмов, или «машинальных» действий. Их называют также произвольными, поскольку основные детерминанты этих действий лежат вне психического «Я» субъекта. Еще один термин, используемый для их обозначения, — импульсивные действия. Программы и механизмы регуляции некоторых автоматизмов фиксированы генетически, другие формируются в индивидуальном опыте.

К разряду автоматизмов с явными генетическими корнями относятся, в частности, такие проявления активности человека, как гнев, страх, удивление (ориентировочный рефлекс) и т. п. Их обычно называют эмоциональными реакциями, аффектами или просто эмоциями.¹⁷ В целом ряде исследований показано, что многие формы выражения этой активности являются универсальными у представителей разных человеческих культур.¹⁸

---

¹⁶ Палей И. М., Гербачевский В. К. Проблемы личности в курсе психологии. Л., 1972, с. 6.

¹⁷ Эмоции, как показал А. И. Палей, состоят из двух компонентов — регулирующего и исполнительного, или «афферентного» в «эфферентного» (см.: Палей А. И. Модальная структура эмоциональности и когнитивный стиль. — Вопросы психологии, 1982, № 1). Рассмотренные ранее эмоциональные переживания и эмоциональные явления как раз и составляют содержание регулирующего компонента этих интегральных феноменов.

¹⁸ Ekman P. Universals and cultural differences in facial expressions of emotion. — In: Nebraska symposium on motivation, 1971. Lincoln, 1972; Izard C. E. The face of emotion. New York, 1971.

Прижизненное формирование автоматизма происходит благодаря повторению одного и того же действия.¹⁹ Каждый человек ежедневно или даже по нескольку раз в день повторяет действия ходьбы, одевания, умывания, приготовления пищи, многие трудовые операции, действия, связанные с использованием транспорта и т. п. В этом отношении им противостоят разовые или редко повторяющиеся действия, такие, например, как празднование торжественного события (свадьба), постройка нового дома, обмен квартиры, устройство на работу, решение нестандартных производственных задач.

В ходе повторений происходит редукция и упрощение программирующих и регулирующих психических процессов, т. е. автоматизация действия (или движения, или навыка).²⁰ Действие, которое при первых попытках своего осуществления было произвольным и структурировалось речемыслительными психическими структурами, после автоматизации регулируется преимущественно ощущениями и восприятиями, его «пошаговый» контроль сменяется контролем наиболее важных звеньев и т. д.

Закрепившиеся в ходе индивидуального опыта, преимущественно допсихические по своей организации программы действий образуют содержание таких широко известных феноменов как навык, умение, привычка, фиксированная установка, динамический стереотип.

Не вызывает сомнений высокая полезность и целесообразность автоматизированных форм регуляции деятельности: благодаря машинальности огромного числа повседневных действий экономится энергия, которая была бы затрачена на их психическую регуляцию. Освобожденный автоматизмами от рутины, субъект может использовать сэкономленную энергию на психическое управление своими нестандартными, "разовыми", творческими действиями.²¹

---

¹⁹ Имеется еще смешанный вариант формирования автоматизма, при котором однократные или немногочисленные внешние воздействия сочетаются с генетически подготовленными предпосылками. Таковы механизмы запечатлевания и натуральных условных рефлексов. (Подробнее об этом см.: Слоним А. Д. Инстинкт. Загадки врожденного поведения организмов. Л., 1967).

²⁰ Психологический анализ процесса автоматизации см. в кн.: Бернштейн Д. А. О построении движений. М., 1947, с. 172—214.

²¹ Интересные суждения о распространенности автоматизированных форм регуляции социальной деятельности см. в работе: Hanger E. J. Rethinking the role of thought in social interaction. —

Но в то же время очевидны и пределы, ограничения этих простейших форм регуляции деятельности. Об ограниченности, нецелесообразности некоторых *генетически* фиксированных автоматизмов мы уже говорили в связи с анализом автоматизированных эмоциональных оценок. Подобная нецелесообразность возникает из-за конфликта между радикально изменившимися условиями жизни индивида и его более инертной биологической организацией, которая была приспособлена к прошлым условиям его существования.

В принципе тот же конфликт между изменяющимися условиями и инертными автоматизмами объясняет нецелесообразные проявления *прижизненно* сформированных произвольных действий, только скорость изменения условий здесь гораздо выше. Многочисленные примеры подобной нецелесообразности описаны в экспериментально-психологической литературе. В одном из экспериментов испытуемым предложили несколько несложных заданий, построенных по одному и тому же принципу и решаемых одним и тем же способом. Л затем предъявили внешне похожее задание, которое требовало иного способа решения, и никто из испытуемых не смог с ним справиться — настолько сильно было давление прежней стратегии решения. Но стоило экспериментатору поставить это контрольное задание на первое место, как его мгновенно выполнили все.²² В том же ряду находятся и яркие факты, полученные психологами грузинской психологической школы и характеризующие формирование фиксированных установок.

На основе подобных фактов, свидетельствующих о нецелесообразности автоматизмов, часто заключают, что деятельность человека регулируется иррациональными импульсами. Но данный вывод односторонен даже применительно к сфере автоматизированных регуляций. Он не учитывает целесообразных проявлений автоматизмов, а также того, что недостатки этих простейших форм регуляции деятельности суть продолжение их достоинств,²³ их прошлых или будущих заслуг. Примечательно, что,

---

In: New directions in attribution research / Ed. by J. H. Harvey
W. Ickes, R. F. Kidd. Hillsdale, 1978, vol. 2.

²² Кулюткин Ю. Н. Эвристические методы в структуре решений. М., 1970, с. 95—96.

²³ Не потому ли, кстати, у большинства достоинств человека есть «продолжения» в виде недостатков?

судя по экспериментальным данным, частота «иррациональных» проявлений некоторых автоматизмов буквально совпадает (если оперировать среднегрупповыми величинами) с частотой ситуаций, в которых они целесообразны.²⁴

Чтобы деятельность была эффективной, от человека требуется оптимальное сочетание экономных форм автоматизированной регуляции деятельности с умением реагировать на новизну и неповторимость ситуаций, смело отказываясь от неадекватных привычек и стереотипов. Последнее становится возможным благодаря принципиально более сложным процессам сознательной саморегуляции, которые характерны для произвольной и волевой деятельности человека.

Регуляция этих форм деятельности предполагает предварительное осознание субъектом того, что он хочет сделать и чего стремится достичь, т. е. программы и цели действий. Внешне произвольность как раз и выражается в том, что человек может словесно сформулировать программу действия до ее исполнения, произвольные же, автоматизированные действия могут быть словесно описаны субъектом лишь после их осуществления.²⁵

Цель — это отраженное индивидом в форме оценки отсутствующее благо, обязательно связанное в представлении субъекта с действиями, которые надлежит исполнить для его приобретения. Иными словами, цель — это образ желаемого блага, которое придет на смену нынешней потребности в том случае, если будут выполнены определенные действия.²⁶

---

²⁴ Чумакова Н. П. 1) Установка при статистической фиксации в некоторые показатели активированности. — В кн.: Вопросы общей и прикладной психологии. Л., 1971; 2) Методика фиксированной установки в психодиагностике. — В кн.: Личность и деятельность. Тезисы докладов V Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. М., 1977.

²⁵ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960; Люблинская А. А. Детская психология. М., 1971.

²⁶ В. Б. Голофафт справедливо критикует современную психологическую теорию деятельности (наиболее распространенный вариант «Ц-теории») за недооценку и даже игнорирование социальных потребностей как детерминант индивидуальной деятельности (см.: Голофафт В. В. Методологический анализ в социальном исследовании. Л., 1981, с. 83—112). Мы, однако, не можем согласиться с тем, что мишенью его критики оказалось понятие цели, не-явно отождествляемое автором с понятием «индивидуальная потребность». Любые потребности, если они регулируют деятельность человека через посредство его сознания, должны быть прежде

Цель не существует вне связи с какой-либо, пусть самой неопределенной, программой действий. Программа, в свою очередь, это отражение действий, которые должны быть исполнены для достижения некоторой цели. Итак, цель и программа действий — это взаимосвязанные компоненты единого психологического образования, которое обычно принято обозначать тем же термином «программа».

Действия и их полезные результаты образуют, как правило, многоэтапный процесс: на начальном этапе из исходных ресурсов действие производит промежуточные блага, на следующем — из этих промежуточных ресурсов оно производит блага более низкого порядка, и так вплоть до получения конечного результата. Наличие в индивидуальном проекте будущего целей нескольких порядков побудило ввести специальное обозначение для конечных целей, которые назвали мотивами.²⁷

Не все цели и осознанные программы деятельности разрабатываются самим индивидом непосредственно перед осуществлением действия. Часть из них поступает к индивиду в готовом виде от других людей или социальных институтов, а еще некоторая часть черпается из своего собственного прошлого опыта.

Программами, почерпнутыми из культурного фонда больших социальных групп, являются социальные цен-

---

отражены им в форме целей. Даже творческая деятельность, целенаправленность которой вызывает наибольшие сомнения у В. Б. Голлофаста, тоже, конечно, может подчиняться определенным целям; в работах по психологии творчества описан, например, феномен замысла и его роль в регуляции творческой деятельности.

²⁷ А. Н. Леонтьев формально не рассматривает мотив как частную форму цели. Но другие авторы (см., например: Анциферова Л. И. Указ. соч.), как правило, подчеркивают родство понятий цель и мотив. Р. Стэгнер даже дал одной из глав своей книги название «Мотивация как преследование целей» (См.: Stagner R. *Psychology of personality*. 2nd ed. New York, 1961).

Теоретически Леонтьев выводит разделение целей и мотивов из коллективной природы человеческой деятельности (см.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975, с. 103—104). Эта плодотворная идея, к сожалению, не получила систематического развития, и реально Леонтьев чаще всего использует термин «мотив» просто для обозначения конечной цели деятельности.

Мотивы отражают блага низких порядков и потому являются исходными побудителями деятельности человека. Не случайно в современной психологии термин «мотивация» стал заглавным для всего комплекса проблем, относящихся к психологической регуляции активности.

ности, нормы, роли, а также традиции, обычаи и ритуалы. Эти программы описывают желательные для социальной системы цели или способы деятельности, причем они обычно предписывают периодическое повторение индивидом некоторых действий. Имея в виду действия, направляемые некоторыми из вышеупомянутых культурных программ, М. Вебер ввел понятие о ценностно-рациональных и традиционных действиях, которые он противопоставлял целерациональным. Последние предполагают, что индивид *сам* «рационально взвешивает как средства по отношению к цели, как цели по отношению к побочным следствиям, так, наконец, и различные возможные цели по отношению друг к другу».²⁸

Психические процессы отражения социальных или социально сформированных потребностей как основания для принятия задаваемых извне готовых программ были рассмотрены в предыдущей главе. Но в качестве подобной основы могут выступать и спонтанно возникшие индивидуальные потребности, побуждающие человека к экономии психической энергии, идущей на разработку программы. В одном из исследований показано, что такая экономия действительно достигается: были обнаружены взаимно обратные статистические связи между готовностью человека следовать социальным нормам (его «правильностью») и прислушиваться к советам окружающих, с одной стороны, и некоторыми результатами его собственной интеллектуальной активности — с другой.²⁹ Вообще «потребность быть „ведомым“ нередко перекрывает желание быть лидером по силе и остроте».³⁰

Значительная часть принятых индивидом социальных программ многократно им повторяется, и в конце концов многие социально запрограммированные действия превращаются в индивидуальные автоматизмы, снимая с индивида

---

²⁸ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1951, S. 552. (цит. по: Гайденок П. П. Социология Макса Вебера. — В кн.: История буржуазной социологии XIX—начала XX века/ Под ред. И. С. Кона. М., 1979, с. 277). Близкие по смыслу понятийные оппозиции используются в работах: Левада Ю. А. Сознание и управление в общественных процессах. — Вопросы философии, 1966, № 5; Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976.

²⁹ Жамкочян М. С. О соотношении интеллекта (по Д. Векслеру) и свойств личности (по вопроснику Р. Кэттелла). — В кн.: Вопросы теоретической и прикладной психологии. Л., 1973.

³⁰ Симонов И. В. Эмоциональный мозг. М., 1981, с. 151.

бремя психических усилий по их реализации. Но на начальных этапах осуществление социальных программ требует развернутой психической активности.

После необходимого отступления об источниках принятых индивидом программ деятельности обратимся к анализу психических процессов, обеспечивающих достижение входящих в них конечных целей, т. е. к анализу произвольной регуляции деятельности.

Чтобы быть достигнутыми, конечные цели должны удерживаться в оперативной памяти субъекта в течение всего времени, пока длится процесс их воплощения в жизнь. В оперативной памяти должны находиться также и другие — инструментальные — компоненты программы, но лишь до тех пор, пока не завершена попытка их исполнения. В случае, если эта попытка оказалась неудачной, должен включиться при сохранении неизменными конечных целей механизм смены инструментальных компонентов программы. Итак, искомые психологические условия — это система, состоящая из процессов сохранения намеченных программ (1), механизмов сличения (контроля) достигнутых результатов с входящими в программу конечными целями (2) и, наконец, процессов коррекции, т. е. замены неоправдавших себя инструментальных компонентов программы новыми (3). Система этих психических процессов образует³¹ феномен целенаправленности человеческой деятельности.

Сохранение и актуализация в психике целей и планирующихся средств деятельности обеспечивается процессами памяти. Поэтому как было показано в знаменитых экспериментах Б. В. Зейгарник, выполненные программы («завершенные действия», в терминах автора) забываются человеком скорее, чем программы, которые еще должны быть выполнены («незавершенные действия»)³². Факты свидетельствуют также о том, что способность извлекать информацию из долговременной памяти прямо связана со способностью человека осуществлять принятые им цели, особенно долговременные. Последняя выражается в таких

---

³¹ Анализ этой принципиальной схемы процессов осознанной саморегуляции деятельности см. в работе: Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.

³² Zeigarnik B. Das Behalten erledigter und unerledigter Handlungen. — Psychologische Forschung, 1927, Bd 9, S. 1—85.

качествах его личности, как ответственность, целеустремленность, настойчивость, организованность.³³ Цель не всегда, конечно, бывает достигнута «с первой попытки». Поэтому необходимыми оказываются контроль результатов и корректировка программ деятельности. На то, что операция контроля является сквозной, присутствует и на старте деятельности, и на ее промежуточных этапах, и на ее финише, недвусмысленно указали в свое время авторы модели Т—О—Т—Е (Test—Operate—Test—Exit) или по-русски: Проверь—Действуй—Проверь—Выход), в соответствии с которой контроль (или проверка) периодически чередуется с действиями, направленными на приведение процесса к желательному состоянию.³⁴

Как уже неоднократно говорилось, достижение целей неотъемлемо от появления предшествующих им средств — действий и их промежуточных результатов, и именно наличие этих средств (т. е. благ более высоких порядков, чем конечные цели) гарантирует субъекту достижение в последующем соответствующих целей. Поэтому самоконтроль промежуточных результатов деятельности является в ряде случаев не менее тщательным, чем контроль целей.

Такой контроль позволяет обнаружить будущую неудачу уже в зародыше, что сокращает не только затраты на возвращение деятельности в оптимальное русло, но и бесполезные затраты индивида, ушедшие на выполнение неудачного варианта действий. Поэтому человек контролирует промежуточные результаты деятельности в тех точках, которые предшествуют существенному увеличению обоих упомянутых выше видов затрат. Например, путешественник проверяет свой багаж несколько раз: сразу после выхода из дому (пока легко вернуться за забытым), войдя в вагон (обязательно до отправления поезда), прибыв на место и выгрузив вещи на перрон (пока поезд еще не ушел).

---

³³ Махлах Е. С., Неймановский А. В. Некоторые связи между параметрами личности, памяти и мышления учащихся VI класса. — В кн.: Актуальные психолого-педагогические проблемы обучения и воспитания. М., 1973; Махлах Е. С., Рапопорт И. А. Соотношение памяти и волевых качеств личности. — Вопросы психологии, 1980, № 1.

³⁴ Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения. Пер. с англ. М., 1965, с. 35—54.

Недостижение цели является негативным событием, поэтому к самоконтролю чаще прибегают тревожные индивиды:³⁵ у них выше субъективные вероятности наступления подобных отрицательно окрашенных событий.

Если в результате самоконтроля субъект обнаружил, что конечные или промежуточные цели оказались недостигнутыми, то он либо смиряется с этим, отказываясь от цели, либо предпринимает усилия для ликвидации возникших отклонений.³⁶

В последнем случае возможны два принципиально различных варианта: в одном из них человек просто повторно воспроизводит прежнюю программу действий, в другом — формирует новую, переходя от прежнего способа достижения цели к какому-либо из его функциональных эквивалентов. Чем более широким является поле известных человеку функциональных эквивалентов, тем более гибкой, эластичной, адаптивной, приспособленной к конкретным обстоятельствам и в конечном счете более успешной оказывается его деятельность. Осознание того, что для выбранного действия существуют замены, запасные варианты, дает человеку чувство надежности, уверенности в достижении цели.

Большие преимущества дает человеку умение на любом этапе коррекции держать в голове функциональные эквиваленты не только текущего, но и будущих этапов программы деятельности. В этом случае, столкнувшись с неудачей в достижении промежуточной цели, субъект часто не ищет других средств ее достижения. Вместо этого он выбирает принципиально иной путь достижения более отдаленной цели — такой, который вообще не требует данного промежуточного результата. Подобная радикальная замена «буксующей» программы, решение «начать с начала» оказывается часто более экономным, чем локальные коррекции. В связи с этим в качестве одного из критериев гибкости деятельности можно рассматривать расстояние от ближайшей цели, которую человеку не удается достичь, до той более отдаленной цели, программу

---

³⁵ Никифоров Г. С. Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л., 1977.

³⁶ Подобное сохранение конечных целей перед лицом временных неудач — непрменный элемент истории любой успешной деятельности. По выражению С. Соловейчика, «борьба... это цепь поражений, которая в конце концов приводит к победе» (см.: Клуб и художественная самодеятельность, 1977, № 5, с. 14).

достижения которой он меняет в ответ на локальную неудачу.

Наоборот, бедность отражаемого человеком «поля возможностей» проявляется в том, что он не осознает множественности потенциальных действий, ведущих к достижению полезного результата, и их взаимозаменяемости; к цели при этом жестко прирастает какое-либо одно средство или один их класс. Умение человека отделить, «оторвать» благо более низкого порядка (цель) от какого-либо жестко ассоциирующегося с ним блага более высокого порядка (средства) — существенный компонент того, что называют умением правильно поставить проблему или цель. Чем правильнее поставлена цель, тем для большего числа вариантов ее достижения она открыта и, значит, дает больше шансов на успех деятельности.

В жестком регулировании исходный способ деятельности как бы прилипает к цели, в гибком — свободно отделяется от нее и, если надо, замещается другим. Одна из психологических причин упрямства — это как раз неумение человека отделять цель от средств, восприятие их как единого целого. В основе же свободных «переносов» цели по средствам, характерных для гибкой стратегии достижения цели, лежит, наоборот, способность четко отделять блага более низкого порядка от их предпосылок (ресурсов).

Рассмотренные психические процессы удержания программ в оперативной памяти, а также контроля и коррекции, как и любые другие психические процессы, требуют от человека определенных энергетических затрат, которые переживаются им как психические усилия.³⁷

Особенно интенсивные формы упомянутых психических усилий называют волевыми, способность человека к их актуализации — волей,³⁸ а регулируемые с помощью этих усилий действия — волевыми. Итак, *волевые усилия это повышенные затраты, энергии человека на психическое управление своей деятельностью.*

---

³⁷ Веккер Л. М., Палей И. М. Информация и энергия в психическом отражении. — В кн.: Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1971, вып. 3.

³⁸ Иногда понятия волевых усилий и воли трактуют расширительно, относя к ним вообще все формы психической активности, обеспечивающей достижение целей.

Типичная ситуация, в которой возникает потребность в волевых усилиях, складывается тогда, когда у человека актуализируются нецелесообразные автоматизмы.

Как уже говорилось, автоматические побуждения воякикают без каких-либо специальных психических усилий со стороны субъекта. Таковы чувство голода и желание поесть, чувство усталости и связанное с ним желание прервать работу, ощущение скуки и желание разнообразить деятельность. Подобные побуждения часто имеют и положительный характер — вкус сладкого, например, переживается как приятный и побуждает съесть пищу.

Подобные автоматизированные эмоциональные оценки и побуждения иногда толкают человека к нецелесообразным, неэффективным действиям. В этих ситуациях целесообразные действия могут осуществиться не иначе как вопреки автоматизмам, в случае если субъекту удастся сознательно затормозить неадекватную и удержат рациональную программу. На это и должны быть затрачены волевые усилия.³⁹ Они, таким образом, оказываются нужны для преодоления эмоциональных иллюзий, или, если использовать понятия З. Фрейда, для победы «принципа реальности» над «принципом удовольствия».⁴⁰

Если способность субъекта к волевым усилиям резко снижена, как это, например, имеет место у больных с поражением лобных долей мозга, то неадекватные и неэффективные персеверации, т. е. повторное автоматическое выполнение одних и тех же затверженных в прошлом опыте фрагментов программ, заменяют собой полноценные результативные действия.⁴¹

Навязывающие себя субъекту и притом нецелесообразные варианты действий есть ни что иное, как искушения или соблазны — феномены, которые на протяжении многих веков описываются в этической литературе.^{4*} Если

---

³⁹ Близкая, если пренебречь различиями в терминах, характеристика условий, в которых требуются волевые усилия, дана П. В. Симоновым (см.: Симонов Л. В. Цит. соч., с. 164).

⁴⁰ Freud S. Formulations on the two principles of mental functioning (1911). — In: Freud S. Standard edition of the complete psychological works. London, 1953, vol. XII.

⁴¹ См.: Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М., 1973, с. 196—213.

⁴² К сожалению, сейчас эти термины редко встречаются в научной литературе, даже в этической. Возможно, это объясняется связанными с ними религиозными ассоциациями. Но психическое переживание искуса, искушения — несомненная реальность, ко-

воспользоваться этим термином, то волевые усилия можно было бы кратко описать как усилия, направленные на преодоление искушений.

Конфликт более ценного, с точки зрения потребностей самого индивида и принятых им социальных потребностей, а значит, и более рационального варианта действий с искушением является одной из форм борьбы мотивов. В процессе этой борьбы более значимая для субъекта цель привлекает для своей поддержки мыслительную деятельность индивида: разнообразными аргументами субъект усиливает переживаемую им полезность этой цели и ослабляет переживание полезности спонтанно возникающих автоматизмов.

Причем эта борьба мотивов происходит не до, а после принятия первоначального решения. Дело в том, что психических усилий, приложенных только в момент первоначального формирования программы, как правило, в этих условиях оказывается недостаточно. Выбрав первоначально психологически трудную для реализации альтернативу, индивид в процессе осуществления программы часто фактически отказывается от нее.⁴³ Чтобы исходные намерения были реализованы, субъект должен все время как бы подтверждать свой первоначальный выбор, контролируя в то же время его исполнение. Это и составляет содержание борьбы мотивов в процессе реализации программы.

В литературе высказывается предположение о том, что волевые усилия всегда направлены на воплощение в жизнь социально более ценной программы." Если так, то усилия должны тратиться в основном на сопоставление социальной ценности конфликтующих между собой вариантов действий, которая, в свою очередь, совпадает с уровнем общности соответствующих благ. Это предположение подкрепляется фактами, которые свидетельствуют, что мыслительная деятельность, оперирующая с психи-

---

торая не зависит от ее религиозных интерпретаций. Поэтому, нам кажется, было бы расточительным отказываться от данных терминов, тем более, что очень трудно найти им подходящую замену.

⁴³ Это порождает феномен «двойной мотивации». — См.: Изучение мотивации поведения детей и подростков/ Под ред. Л. И. Божович и Л. В. Благондежиной, М., 1972.

⁴⁴ См., например: Чхартишвили Ш. Н. Проблема воли в психологии. — Вопросы психологии, 1967, № 4; Веккер Л. М. Психические процессы. Л., 1981, т. 3, с. 193—197.

ческими феноменами разной степени общности, сопровоичается особенно высокими энергетическими затратами.⁴⁵

Хотя волевая альтернатива, как правило, действительно обладает большей социальной ценностью, так бывает все же не всегда. В качестве контрпримера можно указать на волю преступника, направленную на увеличение своей выгоды за счет нанесения обществу большего вреда.

Типичный пример волевых усилий — преследование человеком какой-либо долговременной цели. Выражаясь экономическим языком, это такое производство блага, которое характеризуется длительным «рабочим периодом», состоящим обычно из многих этапов. Потребности в этом благе, которые автоматически сообщат о себе в будущем, на начальных и промежуточных этапах деятельности «молчат».⁴⁸ Поэтому субъект должен тратить психические усилия на то, чтобы актуализировать эмоциональные оценки этих конечных потребностей и благ и удерживать в памяти цепочку переходов, ведущую от этих оценок первого порядка к оценкам необходимых сегодня инструментальных действий. В дополнение к этой сложной психической работе индивиду приходится тратить силы еще и на борьбу с искушениями, которые в отличие от «завтрашних радостей» навязывают ему себя сегодня.

Отставленность цели далеко в будущее создает и специфическое по своему характеру искушение. Пока до срока окончания работы еще далеко, человеку кажется, что «времени еще много» и можно отложить осуществление рационального варианта «на потом», «на завтра». Такое откладывание является по существу частной формой коррекции исходной программы деятельности. Подобное искушение особенно опасно тем, что до определенного момента оно воспроизводится: ведь завтра работу можно перенести на послезавтра, послезавтра — на день вперед

---

⁴⁵ См.: Холодная М. А. Экспериментальный анализ особенностей организации понятийного мышления. Автореф. канд. дис. Л., 1974; Алексеев А. А. Взаимодействие образных и символических структур в развивающемся интеллекте ребенка. — В кн.: Проблемы возрастной психологии/Под ред. А. И. Щербакова. Л., 1979; Страбашина Т. Н. О соотношении структурных, операциональных и энергетических характеристик мыслительных процессов. Автореф. канд. дис. Л., 1980.

⁴⁶ Хотя потребности и блага автоматически отражаются тоже с некоторым опережением, но оно ограничено сравнительно короткими интервалами времени.

и т. д. В итоге человек в течение длительного времени не может заставить себя начать работу.

Это искушение возникает за счет навязывающего себя субъекту первичного, диффузного, представления о будущем периоде времени. Как и во всех остальных случаях, для преодоления искушения нужна сознательная мыслительная работа. В данном случае необходимо мысленно расчленить будущий период времени на более дробные отрезки и заполнить эти отрезки определенными этапами деятельности. Стоит это осуществить, и первоначальная иллюзия обширности предстоящего периода и наличия в нем пустот («иллюзия вольготности») исчезнет.

Понятно, что иллюзия избыточного запаса времени не возникнет, если до срока, к которому должен быть получен результат, осталось мало времени. В этих случаях субъекту без специальной мыслительной работы очевидно, что «откладывать больше некуда». Поэтому и потребность в специальных волевых усилиях в циклах кратковременной деятельности заметно меньше.

Итак, волевые усилия полезны индивиду тем, что способствуют реализации целей более значимых, чем те, которые были бы достигнуты без этих усилий. Таким образом, волевые усилия инструментальны для удовлетворения тех индивидуальных и социальных потребностей, которые в соответствующих целях отражены.⁴⁷ Но если рассматривать только пользу волевых усилий, то останется непонятным, почему они столь часто не предпринимаются людьми перед лицом явной потребности в них и почему отдельный индивид и общество в целом, как правило, жалуются на дефицит волевых усилий. Дело объясняется тем, что этот вид психической активности сопровождается чрезмерными энергетическими расходами организма, что превращает его в фактор дестабилизации организма, т. е. придает волевым усилиям и отрицательную ценность. Данные затраты субъекта на психическое управление собственной деятельностью выступают в качестве цены за полезные результаты, достигаемые посредством воле-

---

⁴⁷ Волевые усилия, как и всякая другая деятельность, более непосредственно удовлетворяют и некоторые универсальные потребности — в активности, самореализации и т. п. Но, кроме того, каждое волевое усилие служит каким-либо конкретным потребностям, содержание которых определяется характером поддерживаемой волей цели.

вых действий. И в тех случаях, когда ожидаемые минусы этих потерь перевешивают плюсы приобретений, субъект отказывается от цели, достижение которой требует волевых усилий.

Поскольку (и в той мере, в какой) затраты волевой энергии выступают в роли цены за достижение целей, человек стремится, если это возможно, достичь эти цели более экономными способами, минимизируя волевые затраты. Он старается оградить себя от искушений — просит, чтобы его заперли на ключ и не выпускали из помещения, в котором должен работать, или отдает знакомым интересную и постоянно отвлекающую его книгу. Он также старается сделать психологически трудную для удержания программу более легкой, например, разбивает длительную работу на этапы. Одна из наиболее нужных форм помощи индивиду — это как раз освобождение его от бремени волевых усилий, помощь в управлении своей деятельностью.

3. ПСИХИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СУБЪЕКТА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ПРОГРАММИРОВАНИЕ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Субъекту часто неизвестны действия, ведущие к достижению цели, и в этом случае он обращается к программированию, или планированию. При этом почти всегда уточняется или преобразуется и исходная цель: ведь конкретный вид и объем доступного человеку конечного блага, которое отражается в феномене цели, будет определяться видом и объемом тех ресурсов, которые удастся обнаружить индивиду в ходе программирования. Поэтому программирование неотделимо от целеполагания.⁴⁸

Эти процессы являются звеньями в достижении конечной цели: если считать, что искомые действия, непосредственно ведущие к цели, — благо II порядка, то программа и цель этих действий — благо III порядка, а процесс программирования—целеполагания — благо IV порядка.

В то же время сам этот процесс реализуется субъектом по определенному проекту: он предписывает поиск вариантов деятельности, сравнение их ценности и выбор

---

⁴⁸ О целеполагании см.: Психологические механизмы целеобразования / Под ред. О. К. Тихомирова. М., 1977.

наиболее ценного (или оптимального) варианта в качестве цели и программы.

Таким образом, «проектировочная» активность имеет особое значение в деятельности субъекта: цели и программы стоят здесь и «на входе» и «на выходе», и поэтому данный вид активности порождает цели и программы других действий, а через них и сами эти действия.

Как явствует из схемы саморегуляции, программирование и целеполагание могут располагаться в двух точках процесса достижения цели — на его первом этапе (первичное проектирование) или на промежуточном этапе, после неудачной попытки достижения цели (корректировочное, или оперативное, проектирование); в процессе корректировки субъект имеет возможность использовать информацию, полученную им на предшествующих этапах деятельности. По-видимому, для одних людей более характерно предварительное проектирование деятельности, а для других — оперативное, «по ходу дела». Эти межиндивидуальные различия составляют один из аспектов более интегральных различий между людьми по соотношению осведомительных и исполнительных компонентов деятельности.⁴⁰

Выработать цель и программу (план) деятельности — это значит найти наиболее полезное (желательное) из возможных продолжений жизни индивида в течение некоторого интервала времени. Программируемый период включает процесс деятельности (или, в частном случае, бездействия) и его следствия (результаты). Деятельность влияет на благополучие этого периода жизни субъекта двумя путями: во-первых, устраняя или предотвращая те потребности, которые имеются или возникнут у субъекта (позитивное воздействие) и, во-вторых, создавая у него новые потребности, которые она сама не удовлетворяет (негативное воздействие). Полезными для субъекта являются только те варианты деятельности, позитивное воздействие которых преобладает над негативным, из них наиболее желательным — тот, для которого указанное преобладание максимально.

Итак, искомая последовательность действий и их результатов должна быть одновременно и возможна, т. е.

---

⁴⁹ См.: *Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности. Казань, 1969; *Палей И. М.* Методологические вопросы диагностики в дифференциально-психологическом исследовании, с. 55.

осуществима посредством имеющихся у субъекта ресурсов, и наиболее желательна. Отсюда следует, что *прогресс целенаправленного и программирования действия должен включать, во-первых, процедуры генерирования возможных вариантов деятельности и, во-вторых, процедуры оценки их полезности и выбора наиболее полезного (наименее вредного) варианта.*

Содержанию представлений человека о своих *деятельностных возможностях* в последние 10—15 лет уделялось много внимания. В этот период были описаны и подвергнуты тщательному эмпирическому изучению разнообразные психические конструкции, отражающие цепочки событий типа «действие -> результат». Обратим внимание на то, что в этих психических феноменах отражается не вся цепочка событий, которая может привести к тому или иному результату: не рассматриваются субъективные причины, производящие сами действия. Иными словами, в качестве причин в них рассматриваются действия, а не их предпосылки. «На что способно мое действие, если оно совершено?» (но не «на какие действия я способен?») — вот вопрос, на который отвечают рассматриваемые психические конструкции. Меньше внимания уделяется изучению представлений человека о своих способностях, т. е. о ресурсах, необходимых для осуществления самих действий.

Не объясняется ли это тем, что фильтр экспериментальных исследований выделил здесь те звенья цепочки возможностей, статус которых сегодня наиболее проблематичен для людей, планирующих свои действия? Поисковость, выполнимость огромного числа действий — т. е. наличие ресурсов для того, чтобы начать цепочку, — не вызывает сомнений у программиста, а вот достижимость посредством своих действий тех или иных конкретных результатов действительно неопределенна. Большое внимание уделяется отражению цепочек «действие -> результат» в психологии труда и организационной психологии.⁵⁰ Здесь часто рассматривают субъективные прогнозы не одного, а нескольких последовательных событий, например продукта труда как первичного ре-

---

⁵⁰ См. обзор: Mitchell T. R. Expectancy models of job satisfaction, occupational preference and effort: a theoretical, methodological and empirical appraisal.— Psychological Bulletin, 1974, vol. 81, p. 1053-1077.

зультата трудовых действий и вознаграждения за труд (зарплаты, продвижения, признания со стороны коллег и администрации) как вторичного результата.

Психическое отражение деятельностных возможностей субъекта составляет также один из аспектов такого многогранного феномена, как «локус контроля». ⁵¹ Содержание этого аспекта проявляется, в частности, в следующих суждениях, заимствованных из шкалы для регистрации этого феномена: «По-моему, лучше принять решение и действовать, чем надеяться на судьбу» (интернальный локус) и «Я часто замечал справедливость поговорки: „чему быть, того не миновать“» (экстернальный локус). ⁵² Оба эти суждения являются субъективными отражениями возможного хода событий, но только интернальные ожидания содержат в своем составе действия субъекта как причины возникновения значимых для него событий. Экстернальный же локус характеризует возможности внешних, неуправляемых субъектом сил, которые в то же время лишают каких-либо возможностей активность самого субъекта.

Отражение действий в качестве ресурсов составляет существенный аспект и такого феномена как «вера в справедливый мир», т. е. представления о том, что те, кто усердно трудятся и совершают добрые дела, получают награды за свои действия, а на долю грешников и лентяев приходятся наказания. ⁵³ При статистическом сопоставлении индивидуальных различий по локусу контроля, вере в справедливый мир и синдрому «протестантской этики» ⁵⁴ было показано, что все эти параметры имеют много об-

---

⁵¹ Магун В., Эткинд А., Жамкочян М. От потребности — к поступку. — Знание — сила, 1980, № 10.

⁵² Оппозиция интернального-экстернального локуса контроля личности была предложена Дж. Роттером (см.: Rotter J. B. 'Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. — Psychological Monographs, 1966, № 80, а также: Муздыбаев К. Исследования локусов контроля личности. — Психологический журнал, 1982, № 3.

⁵³ Lerner M. J. The justice motive in social behavior: introduction. — The Journal of Social Issues, 1975, vol. 31, p. 1—19.

⁵⁴ С «протестантской этикой» М. Вебер связывал взлет активности, сопровождавший появление капитализма. Эта этика предлагала спасение души в качестве награды за методически-рациональное поведение. Иными словами, она конституировала инструментальную связь между действиями субъекта и получением благ, крайне желательных для людей той эпохи.

щего.⁵⁵ Содержанием данной общности и является, по-видимому, имеющийся во всех этих психических образованиях аспект отражения человеком возможностей продуцирования определенных результатов посредством собственных действий.

Субъект располагает знанием и о возможностях внешних объектов, которые используются в его деятельности. Как показывают экспериментальные исследования, уже для детей одним из ведущих опознавательных признаков предмета является его функция в деятельности. Пытаясь угадать задуманный экспериментатором предмет, ребенок лучше всего делает это, задав вопрос: «Для чего применяется этот предмет?»⁵⁶ Этот же признак используют дети при классификации предметов, объединяя их в группы на основе функциональной эквивалентности.⁵⁷

Создание определенных причинно-следственных связей между действиями индивида и приобретением им различных благ — один из основных способов социальной организации и управления деятельностью. Поэтому информацией о возможных действиях и их следствиях человека постоянно снабжают различные социальные институты. Если же индивид сам строит представления о своих возможностях, то, как правило, он при этом использует социальные заготовки.

Объединения желательных событий с производящими их действиями и их предпосылками субъект может добиваться двумя различными путями: двигаясь либо назад по оси времени — от последующих событий к предшествующим, либо вперед — от предшествующих к последующим. В первом случае человек фиксирует определенный желательный результат и ищет такую цепочку событий, которая соединила бы этот результат с начальными условиями программируемого периода времени, т. е. с потенциальными ресурсами. Например, человек, желающий приобрести дорогую вещь, прикидывает, могли бы

---

⁵⁵ Lerner M. J. «Belief in a just world» versus the «Authoritarian» syndrome. . . but nobody liked the Indians. — Ethnicity, 1976, N 5.

⁵⁶ Слободчиков В. И. Психологические особенности знаний ребенка о предметном мире в младшем школьном возрасте. Автореф. канд. дис. М., 1976.

⁵⁷ Олвер Р. Р., Хорнсби Дж. Р. О составлении групп эквивалентных предметов. — В кн.: Исследование развития познавательной деятельности / Под ред. Дж. Брунера, Р. Олвер и П. Гриффилд. Пер. с англ. М., 1971.

члены его семьи и он сам за несколько лет накопить требуемую сумму. Во втором случае индивид, наоборот, отталкивается от некоторых исходных событий и разворачивает их вперед до тех пор, пока цепочка событий не достигнет до того или иного желательного результата. Зная о своей завтрашней поездке в центр города, человек думает о том, как ее использовать — какие, например, посетить магазины и учреждения. В первом случае в качестве независимой переменной или точки отсчета в разворачивании вариантов возможных программ деятельности выступает какое-либо уже известное человеку благо, а во втором — те или иные потенциальные ресурсы для приобретения благ более низкого порядка. В первом случае субъект стремится найти ресурсы («реальные возможности») для достижения желаемого результата, их качество и объем диктуются качеством желаемого результата (цели), а во втором, наоборот, индивид сразу располагает информацией о возможностях и их качественно-количественные характеристики диктуют содержание и объем будущей цели. Первый вариант конструирования вариантов программы деятельности обычно выглядит как настойчивый, активный, преобразующий, а второй — как пассивный, приспособляющийся, применяющийся к обстоятельствам, «оппортунистический». Эффективное конструирование вариантов предполагает сочетание в процессе программирования встречных ходов, идущих от финиша деятельности к ее старту, и от старта к финишу. Имеется по меньшей мере три обстоятельства, повышающие сложность прогностической деятельности индивида и объем расходуемой на нее энергии.⁶⁸ Во-первых, это длительность и многоступенчатость составляемой человеком цепочки последовательных событий. Второй фактор — это наличие нескольких альтернативных следствий у одного и того же возможного события.⁶⁹ Одномерная

---

⁵⁸ Рассмотрение процессов прогнозирования цепочек возможных событий посредством разноуровневых психических процессов — сенсорных, перцептивных, репрезентативных, речемыслительных — см. в кн.: Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М., 1980.

⁵⁹ Например, одна из идей, положенных Дж. Аткинсоном в основу теории мотивации достижения, состояла в том, что прогнозируемое субъектом действие имеет в его представлении два возможных исхода — успех или неудачу: начиная действие, субъект располагает ожиданиями по поводу этих исходов, причем сумма соот-

цепочка — лишь простейший частный случаи прогнозируемых возможностей деятельности, более значимый вариант — это ветвящиеся возможности, где от одного и того же события отходят несколько взаимно исключающих друг друга продолжений (ветвей). Графические представления подобных событий называют обычно «деревьями», так что в данном случае речь идет о «дереве возможностей». Когда такая ветвящаяся возможность преобразуется в окончательную программу деятельности, то ее называют программой с условием (этот термин часто используется в программировании для ЭВМ). В каждой из точек ветвления такая программа предусматривает выполнение тех действий, которые расположены на ветви, выбранной предшествующим ходом событий. Третий фактор сложности — это одновременное формирование нескольких автономных цепочек деятельности, связанных общими ресурсами. При этом, изучая возможности использования ресурса в одной из цепочек деятельности, субъект одновременно конструирует возможности использования других порций этого ресурса в иной деятельности: например, возможность покупки одежды рассматривается совместно с возможностью покупки на оставшиеся деньги иных товаров. Иначе говоря, исследуются не отдельные возможные виды затрат, а их совокупности, бюджеты, например, денежные бюджеты, бюджеты времени, «бюджеты» использования чужой помощи и, т. п. В этом случае перед взором субъекта стоит не одна цепочка целей и средств их достижения, а множество, что позволяет ему рассмотреть возможности более гармоничного удовлетворения своих многообразных потребностей и вместе с тем возможности повышения благополучия на более длительном отрезке своей жизни.

Эффектом первой фазы программирования является множество психически отраженных субъектом возможных вариантов деятельности и их результатов. Многообразие вариантов создается за счет отражения субъектом, во-первых, множественности альтернативных ресурсов, порождающих один и тот же полезный результат (обобщенность ресурсов по результату) и, во-вторых, множественности альтернативных результатов, на которые может быть потрачена одна и та же порция ресурсов (обобщенность результатов по ресурсу).

вероятностей субъективных вероятностей равна единице (см.; Atkinson J. W. Op. cit.).

Множественность открывающихся человеку возможностей создает ситуацию свободы и ставит перед ним задачу *выбора*.

Термины «выбор» или «решение» являются наиболее популярными при анализе программирования и целеполагания и часто заменяют собой другие названия данных процессов. Это объясняется, во-первых, тем, что выбор, будучи последним звеном проектирования деятельности, знаменует собой резкое приближение субъекта к осуществлению конечных целей его деятельности, а также к столкновению с ее непосредственными ценами. Во-вторых, самостоятельное решение — это наиболее устойчивый компонент программирования и целеполагания. Очень часто субъект не занимается сколько-нибудь углубленной разработкой вариантов деятельности, а не ходит из уже готовых альтернатив — разработанных им ранее в связи с планированием других действий или заданных социально. В этих случаях на долю «проектировочной» активности субъекта как раз и остается лишь выбор между готовыми вариантами; поэтому уровень этой активности грубо может быть оценен количеством альтернатив, из числа которых человек выбирает цель и программу действия.

Процесс человеческого выбора (или принятия решений, или оптимизации) хорошо изучен,⁶⁰ и мы остановимся лишь на некоторых его аспектах. Этот процесс состоит из двух фаз — определения ценности каждого отдельного варианта и сравнения их между собой.

Конечно, первоначальная прикидка ценности варианта происходит уже на стадии его конструирования, но эти предварительные впечатления субъекта должны быть им уточнены. Для определения суммарной ценности варианта деятельности (или в частном случае — бездействия) субъект, по-видимому, суммирует положительные и отрицательные аспекты варианта (его полезности и цены) с учетом вероятностей их ожидаемого наступления. Формула, описывающая предполагаемый характер вычисления субъектом ценности какого-либо варианта развития событий, была предложена в XVIII в. математиком Д. Бернулли и известна под именем формулы нравственного ожидания. Бернулли утверждал, что ожидаемая субъектом ценность

⁶⁰ См. обобщающие работы: *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М., 1979; *Ларичев О. И.* Наука и искусство принятия решений. М., 1979; *Проблемы принятия решений.* М., 1976.

(V_i) будущего события равна произведению воспринимаемой ценности этого события в момент его наступления (U_i) на субъективную вероятность его наступления (P_i):

$$V_i = P_i \times U_i. \quad (1)^{61}$$

В каждой из причинно-следственных цепочек, входящих в состав оцениваемого варианта деятельности, субъектом учитывается лишь значимость и вероятность ценности наиболее низкого порядка, а инструментальные значимости предшествующих компонентов действия не влияют на общую оценку варианта. В противном случае, создалась бы парадоксальная ситуация, аналогичная тому, как если бы национальное богатство оценивалось суммированием натуральных благ с их денежными эквивалентами в форме бумажных банкнот.

«Вычисленная» указанным выше образом ценность варианта действия совпадает с его побудительной силой. Поэтому широко известная в психологии мотивации экспектационная или мультипликативная модель побуждения к действию тоже является модификацией уравнения Д. Бернулли. Согласно этой модели, побуждение к действию равно произведению воспринимаемой ценности результата данного действия (в момент появления этого результата) на субъективную вероятность того, что этот результат действительно наступит (т. е. на достижимость, доступность, результата или инструментальность ведущего к нему действия):

$$\begin{array}{l} \text{побудительная} \\ \text{сила} \\ \text{действия} \end{array} = \begin{array}{l} \text{субъективная} \\ \text{вероятность} \\ \text{наступления} \\ \text{результата} \\ \text{после} \\ \text{выполнения} \\ \text{действия} \end{array} \times \begin{array}{l} \text{воспринимаемая} \\ \text{ценность} \\ \text{результата} \\ \text{действия} \end{array} \quad (2).^{62}$$

⁶¹ См. об этом подробнее: Аллен Р. Математическая экономия. Пер. с англ. М., 1963, гл. 18.

⁶² Т. Р. Митчелл в обстоятельном обзоре, посвященном экспектационным моделям в психологии труда, перечисляет десять (!) терминологических вариантов уравнения (2), сформулированных различными авторами. В этот перечень попадают модели Э. Толмена, К. Левина, У. Эдвардса, Дж. Аткинсона, Дж. Роттера, В. Врума, Х. Пик, М. Розенберга, Д. Дьюлани, М. Фишбайпа (см.: Mitchell T. R. Or.xit.)- Можно добавить, что данная модель побуждения к действию популярна и в других научных дисциплинах, например, в тех, что изучают политическую жизнь общества и политическую деятельность граждан (см.: Rosenthal U. Political order: rewards, punishments and political stability. Alphen aan den Rijn, 1978).

В формуле (2) как видим, полностью сохранена правая часть формулы (1), а в левой части вместо ожидаемой ценности будущего варианта деятельности стоит его побудительная сила.

Подобное преобразование формулы (1) в формулу (2) базируется на имплицитном допущении, что субъективная вероятность выполнения самого действия равна единице (т. е. способность выполнить действие не вызывает у субъекта сомнений). Это допущение не всегда справедливо, и поэтому широко распространенная мультипликативная формула побудительной силы действия несколько менее универсальна, чем та общая закономерность (формула нравственного ожидания), модификацией которой она является. Если упомянутая субъективная вероятность отличается от единицы, то ее следует добавить третьим сомножителем в формулу (2).

Из формулы (2) следует, что активность человека будет повышаться, во-первых, с ростом ожидаемой ценности результатов, а во-вторых, с ростом субъективной вероятности их достижения посредством этой активности (т. е. с ростом инструментальности соответствующих действий). Второе из этих следствий подтверждается многочисленными фактами. Показано, например, что лица с интернальным локусом контроля (который в том числе является и обобщенным представлением об инструментальности действий) более активны в разных сферах жизни, чем экстерналы.⁶³ Показано также, что чем более тесными представляются работнику связи между его усилиями и их непосредственными и опосредованными результатами, тем выше производственная активность.⁶⁴

На следующем этапе программирования ценности различных вариантов деятельности сравниваются между собой и происходит принятие окончательного решения. Есть несколько типичных случаев подобных сравнений.

Если у субъекта существует единственный вариант действия, то он сравнивается с другой всегда имеющейся альтернативой — бездействием, которое часто равносильно отсутствию как приобретений, так и потерь. Поэтому

---

⁶³ *Lefcourt H. M.* Recent developments in the study of locus of control. — In: *Progress in experimental personality research*. New York, 1972, vol. 6.

⁶⁴ См., например: *Lawler E., Porter L.* Antecedent attitudes of effective managerial performance. — *Organizational Behavior and Human Performance*, 1967, vol. 2, p. 122—142.

в данной ситуации решение в пользу действия будет принято, если его итоговая ценность хотя бы минимально положительна, т. е. перевешивает ценность пассивного варианта. Решение же против действия будет принято, если его итоговая ценность хотя бы минимально отрицательна. Таким образом, в данном случае сравнение разных альтернатив сводится к сравнению приобретений («плюсов») и потерь («минусов») внутри одного и того же варианта деятельности.

Когда сравниваемые альтернативы сопровождаются примерно одинаковыми потерями, то выбор ограничивается сравнением «плюсов» и выглядит как поиск альтернативы, характеризующейся максимальной величиной приобретений. Наоборот, когда варианты не различаются приобретениями, выбор направлен на поиск альтернативы, связанной с минимальными потерями.

Варианты возможного развития событий формулируются субъектом в изъявительном или сослагательном наклонении. После выбора наиболее предпочтительного варианта субъект преобразует содержащиеся в нем прогнозы своих действий в форму адресованных себе распоряжений или программ, т. е. переводит их в повелительное наклонение. Этот перевод обозначают как процесс преобразования осведомительной информации в командную.

4. РОЛЬ АКТИВНОСТИ ИНДИВИДА В РЕГУЛЯЦИИ ЧУЖОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

«Потребность побуждает индивида к действию, направленному на ее удовлетворение», — эта формула является общепринятой в психологии. Но она оставляет в тени те случаи, когда потребности индивида или интернализированные им социальные потребности⁶⁵ удовлетворяются с помощью деятельности других людей и социальных систем.

Можно выделить *три уровня* активности субъекта в управлении полезной для него деятельностью окружающих. Огромное множество людей работает на каждого из нас не только без какого-либо побуждения с нашей стороны, но и часто без нашего ведома. Например, для удовлетворения потребности в пище нужен труд тех, кто сеет, выра-

⁶⁵ Для краткости мы не будем каждый раз уточнять, что речь идет не только о потребностях индивида, но и об интернализированных им социальных потребностях, хотя для обоих типов феноменов закономерности, о которых здесь идет речь, одинаковы.

Щипает и убирает сельскохозяйственные культуры, грузит и транспортирует их, хранит, перерабатывает и подготавливает к продаже, проверяет качество продуктов и продает их потребителям и т. д. Только действия последних участников цепочки — продавцов и кассиров — регулируются (и то, конечно, лишь частично) нашими целями и программами. Труд многих участников этой деятельности регулируется извне, и эти управленческие усилия также входят в число действий, полезных для каждого из нас. Неучастие психики человека в управлении подобными формами чужой деятельности похоже на ее неучастие в управлении деятельностью собственного организма. В обоих случаях пока все идет нормально и потребности удовлетворяются, психическая работа субъекта не нужна, разница только в том, что по отношению к физиологической активности соответствующие функции выполняются более примитивными регулирующими системами самого организма, а по отношению к деятельности других людей — системами социального управления, а также системами психической саморегуляции участвующих в деятельности индивидов.

Другой вариант использования человеком деятельности других людей характеризуется более высоким уровнем его собственной активности, но эта активность пока носит чисто внутренний, психический характер: субъект надеется, что другие люди будут действовать ради удовлетворения его потребностей. Подобное ожидание не побуждает самого субъекта к какому-либо собственному участию в удовлетворении потребности, это именно расчет на то, что все произойдет само собой и потому не потребует его организаторских усилий. Возникающее у индивида психическое образование содержит отражение ожидаемого блага и ожидаемых действий других лиц по достижению этого блага. Поскольку данные психические феномены не предназначены для регуляции деятельности исполнителей, они выражены не в повелительном, а в изъявительном или сослагательном наклонении.

Не регулируя действия окружающих, эти *расчеты на других* вполне определенно *влияют на функционально эквивалентные действия самого их носителя*: последние оказываются ненужными и потому не осуществляются. Взаимные надежды людей друг на друга часто приводят к тому, что требуемая деятельность вообще не осуществляется («у семи нянек дитя без глаза»). Вот описание

одного из экспериментов, иллюстрирующих подобную «диффузию ответственности».⁶⁶

Студентки участвовали в дискуссии, причем каждая из них сидела в отдельной кабинке, и обмен мнениями происходил с помощью радиопереговорных устройств. В одном случае в дискуссии участвовало два человека, в другом — три, в третьем — шесть. Все участники, кроме одного, были подставными лицами — помощниками экспериментатора. В ходе дискуссии одна из участниц упоминала о том, что у нее случаются припадки. Затем, когда снова наступала ее очередь, она несколько минут говорила спокойно, а потом вскрикивала, сообщала, что ей плохо и просила о помощи.

Доля испытуемых, которые оказали девушке помощь до того момента, когда ей «стало лучше», и скорость их реакции находятся в обратной зависимости от числа людей в группе (см. табл. 1): чем больше группа, тем меньше вероятность, что человек предложит помощь и тем медленнее он это сделает. Действительно, ведь чем больше потенциальных исполнителей, тем больше у каждого из них оснований надеяться на других и, значит, самому оставаться пассивным.

Таблица 1
Влияние размера группы на вероятность и скорость альтруистической реакции

Размер групп	Доля испытуемых, пришедших на помощь (в %)	Среднее время, прошедшее до прихода на помощь (в сек.)
2 человека (испытуемая и «жертва»)	85	52
3 человека (испытуемая, «жертва», «посторонний»)	62	93
6 человек (испытуемая, «жертва» и «посторонние»)	31	166

Примечательно, что в этой экспериментальной ситуации, как и в подобных ей жизненных коллизиях, человек рассчитывает на действия других людей абсолютно молча,

⁶⁶ Darley J. M., Latane B. Intervention in emergencies: diffusion of responsibility. — Journal of Personality and Social Psychology, 1968, vol. 8, p. 377—383. Приводится по: Tedeschi J. T., Lindscold S. Social psychology. Interdependence, interaction, and influence. New York, 1976, p. 439-445.

не обременяя себя даже простейшими формами организации этих действий.

Учет феноменов расчета или упования на деятельность других людей важен, как нам кажется, для правильной постановки проблемы пассивности человека. Надо заметить, что в научной литературе вообще существует пренебрежительное отношение к феномену пассивности, который, по меткому замечанию В. И. Кремянского, даже «не удостоивается определений».⁶⁷ Когда же мы в обыденной жизни говорим о пассивности, то представляем себе человека, внутренне отказавшегося не только от попыток действовать, но и от самого удовлетворения потребности. Существование феномена «надежды на других» заставляет внести коррективы в эти представления: даже тогда, когда носитель потребности отказывается от собственной деятельности, он в ряде случаев все же не теряет надежды на удовлетворение потребности, рассчитывая, что оно будет достигнуто усилиями окружающих. Сила искушения воспользоваться действиями окружающих объясняется, естественно, тем, что они обладают нулевой энергетической ценой для субъекта, а цена энергетических затрат на собственные действия часто весьма значительна.

Поэтому проблему повышения активности для рассматриваемых ситуаций можно конкретизировать как задачу блокирования упований человека на активность окружающих и тем самым лишения его — там, где это разумно и нравственно допустимо, — аргументов в пользу собственной пассивности.

В тех видах совместной деятельности, где создается угроза перекалывания работы друг на друга, каждому исполнителю должна быть поручена строго определенная часть деятельности, что как бы ставит нормативные «перемычки», через которые невозможна «диффузия» ответственности. (При этом, правда, надо иметь в виду, что исчезнут и позитивные следствия диффузии ответственности: те, кто готовы взять на себя чужую работу, будут реже это делать, реже приходить на помощь окружающим.)⁶⁸

В двух рассмотренных вариантах использования чу-

---

⁶⁷ Кремянский В. И. Методологические проблемы системного подхода к информации. М., 1977, с. 119.

⁶⁸ Внутрииндивидуальным аналогом диффузии ответственности является откладывание дела «на потом», если до срока окончания работы остается еще много времени. В этом случае субъект рас-

жой деятельности заинтересованный индивид не расходует никаких ресурсов на ее организацию: управление осуществляется другими людьми с использованием уже имеющихся в обществе культурных знаковых систем и других средств.

Третий вариант предполагает активные управляющие усилия самого субъекта, направленные на организацию деятельности других людей. Так, человек, пользующийся услугами такси, сам сообщает водителю цели и иногда маршрут (программу) движения, а подчас регулирует и скорость движения, стимулируя водителя, например, дополнительным денежным вознаграждением; младенец криком требует от окружающих еды, комфорта, развлечения; индивид с развитыми альтруистическими стремлениями обращается к окружающим с призывом помочь человеку, пострадавшему от несправедливости; руководитель производственного коллектива организует деятельность подчиненных, направленную на выполнение принятых им целей.

Итак, в этом случае субъект является активным соисполнителем совместной деятельности по реализации своих целей, без его организаторских усилий были бы невозможны действия других участников этого процесса.

Своеобразие организаторской деятельности субъекта как ресурса для удовлетворения его потребностей состоит в том, что она порождает действия других людей в качестве инструментальных благ (ресурсов) более низкого порядка.⁶⁹ Если же организаторские усилия субъекта осуществляются одновременно с исполнительской деятельностью других людей, то в таком случае эти два вида активности выступают в качестве однопорядковых комплиментарных ресурсов для удовлетворения соответствующей потребности.

считывает не на других людей, а на себя самого, но в будуще отрезки времени. Именно возможность отодвигания программы в будущее (при сохранении цели!) создает основные психологические трудности реализации человеком долговременных целей. Для предотвращения подобных явлений нужны разграничения не между разными людьми, а между разными периодами деятельности одного и того же индивида. Данную функцию выполняет четкая программа, описывающая весь процесс достижения цели, распорядок, в котором фиксируется, чем будет занято «завтра» и почему на него нельзя откладывать дело, намеченное на «сегодня».

⁶⁹ Всею совокупность ресурсов, которая позволяет человеку использовать деятельность других людей для достижения принятых им целей, называют его властью над другими людьми.

Итак, субъект оказывается участником регуляции не только своей собственной, но и чужой деятельности. В связи с этим в системе его психических образований актуальной является оппозиция *цели и программы для себя — цели и программы для других*.

Цели и программы, предъявляемые индивидом для исполнения другим людям, различаются по своей модальности. На одном полюсе робкий намек или просьба, за выполнением которой может последовать тот или иной вид поощрения (благодарность, подарок, ответная услуга), а на другом — жесткое, настойчивое требование, за невыполнение которого субъект угрожает исполнителю отрицательными последствиями. В этих случаях резко различна сама феноменология обращения: громкость, интонация, тембр голоса, выражение лица говорящего и т. п. — именно эти невербальные сигналы, а не эксплицитное перечисление наград и наказаний обычно несут исполнителю всю информацию об ожидающих его последствиях.

Как бы то ни было, в данном случае субъект в той или иной степени разделяет с другими людьми тяготы достижения своих целей, выполняя организаторскую деятельность. Она является, как известно, предметом специальной научной дисциплины — теории социального управления. Но в этой теории и в близких к ней научных направлениях данная деятельность рассматривается как прерогатива специалистов — управляющих или лидеров социальных групп. В работах же, анализирующих человеческую деятельность вообще, вне зависимости от ее специализированных профессиональных функций, где предметом рассмотрения становятся наиболее универсальные, характерные для каждого из нас виды активности, повседневная управленческая или организаторская деятельность, как правило, не упоминается ни в названиях основных классификационных единиц, ни среди примеров, ни в числе производных видов деятельности. Нам кажется, что организаторская деятельность в ее более или менее развернутых формах должна быть теоретически осознана как непреходящий компонент образа жизни каждого индивида.

Признание способностей к организации и управлению за каждым носителем потребностей необходимо, на наш взгляд, и для правильной постановки проблемы повышения социально полезной активности личности. В развитии компонентов, связанных с организацией чужой деятель-

ности, заложен не меньший резерв повышения активности, чем в развитии иных форм деятельности. При этом одновременно может повыситься активность как самого индивида, так и управляемых им внешних систем.

Таким образом, важнейшее обстоятельство, с которым приходится считаться человеку при организации достижения своих целей, состоит в том, что многие из них могут быть одинаково успешно достигнуты как посредством его самостоятельной деятельности, так и посредством чужой деятельности, осуществляемой либо автономно от субъекта, либо с его организующим участием. Подобная *функциональная эквивалентность деятельностей разных людей* наглядно проявляется в том, что уровень удовлетворения многих потребностей не меняется при передаче действий от субъекта потребности другим людям и обратно, и, следовательно, мера удовлетворения потребности является в этих случаях инвариантом межсубъектных преобразований («переносов») деятельности. Например, при переходе от традиционной формы обслуживания в магазинах к самообслуживанию некоторые действия продавца, удовлетворяющие потребности покупателей, передаются последним.

Такие же преобразования имеют место и в индивидуальном развитии человека: они идут в направлении замены деятельности внешних систем активностью самого субъекта потребностей. Если взять, например, потребность в пище, то сначала взрослые осуществляют не только все этапы деятельности, направленной на приобретение пищевых продуктов и приготовление пищи, но даже и подносят пищу ко рту ребенка. Затем он начинает есть сам (жует, подносит пищу ко рту, значительно позже — обучается пользоваться вилок и ножом), берет на себя некоторые подготовительные действия (моет посуду, накрывает на стол), еще позднее — сам готовит пищу, приобретает продукты и сам зарабатывает деньги на это. Данный процесс характеризуется в литературе, посвященной развитию личности, как процесс перехода от зависимого детства к самостоятельной взрослости и зрелости.⁷⁰

---

⁷⁰ См., например: Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968. — Одна из ключевых проблем педагогики — поиск оптимального баланса активности между педагогом и воспитанниками, оптимального сочетания помощи воспитаннику с возможностями для проявления его самостоятельности.

В повседневной жизни рассматриваемая функциональная эквивалентность проявляется применительно к потребностям каждого из нас: к потребности в пище — можно готовить самому или питаться в столовой; в деньгах — можно работать самому или пользоваться деньгами, заработанными другими членами семьи; в разного рода бытовых благах — можно ремонтировать, стирать, убирать самому или обращаться к помощи учреждений сферы обслуживания; в информации — можно читать тексты самому или слушать, как читают другие (аналогичная коллизия — читать классику или «смотреть» ее в кино); в организации своей жизни — можно планировать жизнь и принимать важные решения самому, а можно подчиняться приходящим извне программам и «плыть по течению».

Вообще во всех подобных случаях речь фактически идет об оптимальном разделении совокупной деятельности общества между отдельными людьми и их группами. Причем в определенных сферах жизни, которых становится все больше, это разделение осуществляется с участием субъекта, делающего выбор между разными исполнителями активности (сюда входит не только выбор между собой и другими, но и выбор наиболее подходящего исполнителя среди «других»). Исход подобного выбора определяется тем, как отражаются в психике субъекта издержки и приобретения, связанные с каждой из альтернатив.

Но во многих других сферах жизни индивид застает уже *готовое разделение деятельности*, которое обеспечивается системой целей и программ, адресованных каждому участнику совместной активности, — это правила, нормы, ролевые предписания, обычаи и т. п. Например, на промышленном предприятии известно, кто должен снабжать станочника материалами и инструментом, обеспечивать рабочее состояние его оборудования, поддерживать санитарно-гигиенические условия, выплачивать денежное вознаграждение и организовывать производство.

Участники совместной деятельности, как правило, принимают и выполняют адресованные каждому из них цели и программы, что и обеспечивает целесообразность их совокупной активности. При этом цели и программы (вместе с механизмами, обеспечивающими их принятие индивидом), социально заданные для исполнения самому субъекту, называют его *обязанностями*, а те полезные

индивиду цели и программы, для реализации которых он может использовать деятельность других людей (или в частном случае — рассчитывать на их бездействие), — его *правами*.

Когда имеется подобная детально разработанная система социальных предписаний, управленческая активность индивида по отношению к другим людям значительно упрощается. Чтобы использовать чужую активность, ему достаточно передавать другим людям лишь старт- или стоп-сигналы, которые включают и выключают эту активность или ее фрагменты. При этом: предоставляемая другими людьми деятельность может быть сколь угодно сложной, но данная сложность обеспечивается — помимо управленческих усилий пользующегося этими услугами субъекта — другими людьми и культурными знаковыми системами. Таким образом, в ситуациях использования социально установленных прав простота регуляторных усилий субъекта аналогична простоте процессов регуляции индивидуальных автоматизмов. (Отличие только в том, что в социальном варианте управляющие сигналы, чтобы они достигли исполнителя, должны быть выражены во внешнеязыковой форме.)

Но простота и экономность организаторских усилий субъекта характерна лишь для нормального, бесперебойного функционирования системы совместной деятельности. В случае же отказа других участников деятельности от выполнения своих обязанностей (которые в то же время являются правами субъекта) человек начинает выступать в более активной роли, он становится как бы соорганизатором деятельности других людей, которые не обеспечивают удовлетворения его законных прав. Тем самым он в какой-то мере дублирует организаторскую деятельность внешних систем, первоначально задавших данное множество целей и программ. Индивид-соорганизатор напоминает другим людям о вмененных им в обязанность действиях и, главное, предьявляет санкции. Таково поведение рабочего, критикующего администрацию за невыполнение ею обязанностей по улучшению условий труда, или покупателя в магазине, возмущающегося отсутствием товара обязательного ассортимента.

Поручение индивидом деятельности по удовлетворению своих потребностей внешним системам или самому себе осознается и переживается им в терминах *возложения ответственности*.

Исходная феноменология ответственности относится к завершающим этапам деятельности,⁷¹ но благодаря процессам опережающего отражения (Ш. К. Анохин) она оказалась перенесенной, передвинутой и на начальные этапы регуляции и организации деятельности. Ведь если сейчас деятельность кому-то поручается, то потом на него же будут и возлагать ответственность за результат, и он будет отвечать. И обратно, если человек должен будет потом отвечать за какой-либо результат, то уже сейчас он должен действовать, чтобы этого результата достичь. Потому и возникла параллельная терминология, описывающая процессы ожидания и программирования деятельности в терминах возложения ответственности на себя или на других. Как пишет К. Хэлкама, одно из значений термина «ответственность» «относится к прошлым действиям, в то время как другое обозначает то, что еще только должно быть сделано».⁷² Он обращает также внимание, что эти два значения — вины и обязанности, или *ретроспективной* и *проспективной ответственности* — объединены в русском, английском, шведском и финском языках в одном термине, а в большинстве африканских языков — изолированы.

Итак, проспективное возложение (или приписывание, или атрибуция) ответственности — это прежде всего отражение индивидом чьей-либо деятельности как инструментального блага (ресурса) для удовлетворения его потребности. Оно формулируется в повелительном («побудительном») наклонении и, если надо, сопровождается указанием на возможные санкции. За удовлетворение любой из переживаемых индивидом потребностей кто-то всегда перед ним отвечает — он сам или другие люди, это удовлетворение в его сознании (или подсознании) всегда кому-то поручено.

Основной факт, установленный в исследованиях атрибуции ответственности, состоит в том, что вину за негативные события субъект склонен возлагать на окружаю-

---

⁷¹ Именно этот исходный смысл данного понятия зафиксирован в распространенных определениях. См., например: Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. 4-е изд. М., 1981, с. 229; Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. М., 1980, с. 267.

⁷² *Helkama K. Toward a cognitive-developmental theory of attribution of responsibility. A critical review of empirical research and some preliminary data. Helsinki, 1981, p. 13.* Автор при этом ссылается на работу: *Frankena W. Ethics. New York, 1963, p. 55.*

щих, а ответственность за позитивные результаты (за-слуги) — приписывать самому себе.⁷³

Верна, по-видимому, и обратная закономерность — другим людям субъект приписывает авторство, главным образом, негативных событий, а себе — позитивных. Она проявляется в том, что те события, авторство которых заведомо принадлежит другим людям, чаще оцениваются отрицательно, а результаты собственных усилий — положительно.

Действие обеих этих закономерностей ярко проявляется в оценках людьми различных сторон своей работы. Не случайно, например, что ленинградские рабочие-машиностроители более всего неудовлетворены санитарно-гигиеническими условиями труда, бытовыми условиями на производстве, материально-техническим обеспечением, организацией нормирования труда и состоянием механизмов и оборудования,⁷⁴ т. е. теми аспектами работы, за которые отвечают другие люди. Другое исследование ленинградских рабочих, проведенное в 1976 г. В. А. Ядовым и его сотрудниками, показало, что наибольшие доли неудовлетворенных дают оценки санитарно-гигиенических условий труда, состояния оборудования, заработка, нормирования труда и равномерности обеспечения работой, а наибольшую долю удовлетворенных дает оценка отношений с мастером.⁷⁵ Понятно, что первая группа факторов воспринимается рабочим как сильно зависящая от других людей (от «обстоятельств»), а на отношения с мастером он явно может влиять. Английский психолог

---

⁷³ См., например: Miller D. T. Ego-involment and attributions for success and failure. — *Journal of Personality and Social Psychology*, 1976, vol. 34, p. 901—906; Sicoly /., Ross M. Facilitation of ego-biased attributions by means of self-serving observer feedback. — *Journal of Personality and Social Psychology*, 1977, vol. 35, p. 734—741; Snyder M. L., Stephan W. в., Rosenfield D. Egotism and attribution. — *Journal of Personality and Social Psychology*, 1976, vol. 33, p. 435—441. Следствием данного феномена являются переоценки людьми себя и недооценки других (см.: Wiley R. C. The self concept. Lincoln, 1959; Марун В. С. К вопросу о справедливости распределения оценок и самооценок у студентов. — В кп.: Актуальные проблемы теории и практики нравственного воспитания студентов. Л., 1978).

⁷⁴ Серов Н. К., Труевцева С. С. Условия и содержание труда как предпосылки повышения его эффективности. — *Социологические исследования*, 1980, № 2.

⁷⁵ Ядов В. А. «Человек и его работа» — через 15 лет. — *Знание — сила*, 1979, № 10.

Р. Фар обратил внимание на то, что сходным закономерностям подчиняются и уже упоминавшиеся факты Ф. Герцберга и его сотрудников.⁷⁶

Обычно все эти факты истолковываются в контексте представлений о ретроспективных атрибуциях ответственности: не без оснований полагают, что люди стремятся осуждать других и хвалить себя. Но если принять, что атрибуции ответственности адресуются не только к прошлому, но и к будущему, то в этих фактах можно заметить и еще один смысл. Связь негативной оценки («неудовлетворенной потребности») с представлением о чужой ответственности подразумевает поручение деятельности по удовлетворению соответствующей потребности окружающим, а ассоциирование положительно оцениваемых событий с представлениями о своей собственной ответственности за них не побуждает индивида ни к каким действиям, поскольку потребность уже удовлетворена. Таким образом, распространенные виды связей между оценками событий и атрибуциями ответственности за них указывают на тенденцию индивида поручать деятельность другим людям и освобождать от нее себя. Это является следствием наличия в деятельности отрицательных аспектов, следствием ее цены для субъекта.

В связи с тем, что в данном разделе речь фактически идет о побудительной функции потребностей, здесь возникает необходимость вернуться к содержанию самого этого понятия.

Во многих цитированных в предыдущей главе определениях потребности отмечалось (или подразумевалось), что потребности удовлетворяются посредством деятельности самого субъекта. В наших рассуждениях о побудительной функции эмоциональных переживаний также говорилось об автоматической связи между эмоциональным отражением потребности и ее превращением в цель деятельности субъекта, но как было только что показано, потребность может не побуждать субъекта к деятельности («упование на других») или, в более сложном случае, побуждать к деятельности не только субъекта, но через него — и других людей. Последнее обстоятельство, по-видимому, побудило А. В. Баранова определить потреб-

---

⁷⁶ *Farr R. M.* On the nature of attributional artifacts in qualitative research: Herzberg's two-factor theory of work motivation. — *Journal of Occupational Psychology*, 1977, vol. 50, p. 3—14.

ности как «встречные требования человека к обществу в ответ на заданные ему роли». ⁷⁷ Близки к этому и взгляды на потребность, характерные для представителей экономических дисциплин.

Все эти представления о том, кто удовлетворяет потребность индивида, являются односторонними и потому вряд ли целесообразно включать их в определения потребности. *Деятельность*, активность, затраты энергии — это, действительно, универсальное средство удовлетворения потребностей, но активность *осуществляется или самим субъектом, или другими людьми, или техническими, природными ⁷⁸ и иными системами, или этими агентами совместно.*

---

⁷⁷ Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981, с. 101.

⁷⁸ Раз собственная деятельность вовсе не обязательно требуется человеку для удовлетворения его потребностей, раз потребности могут удовлетворяться и без участия субъекта, при его пассивности, то инструментальную полезность действия надо определять по-иному. Как показал Де Вольдер, инструментальная полезность действия — это не просто вероятность получения с его помощью того или иного полезного результата, а прирост данной вероятности по сравнению с условиями, когда индивид бездействует (см.: De Voider M. L., Lens W. Academic achievement and future time perspective as a cognitive-motivational concert — Journ. Pers. Soc. Psychol., 1982, v. 42, p. 566—571).